

Становление европейских экспертно-аналитических сообществ в годы Первой мировой войны (на примере Великобритании, Франции и Германии)

Аннотация: в статье рассмотрены взаимоотношения правящих кругов ведущих западноевропейских держав с зарождавшимся экспертно-аналитическим сообществом в период Первой мировой войны; показаны место и роль представителей различных групп интеллектуальной элиты в Великобритании, Франции и Германии в осуществлении экспертной оценки развития международных отношений; проанализированы социально-политические предпосылки, задававшие общее направление развитию отношений правительств с экспертным сообществом в условиях торжества «кабинетной дипломатии» и введения жесткой военной цензуры. Авторы выделили и сравнили ее общие и специфические черты в указанных странах. Это позволило сделать вывод, что годы Первой мировой войны стали важным периодом в складывании экспертно-аналитических сообществ в Великобритании, Франции и Германии (при всей его противоречивости), поскольку он продемонстрировал возросшее влияние интеллектуальной элиты с точки зрения поддержания легитимности правящих режимов и выработки новых коллективных представлений и ценностей.

Ключевые слова: история, Первая мировая война, Великобритания, Германия, Франция, эксперты, интеллигенция, пропаганда.

Новые реалии индустриальной по своей природе войны, разразившейся в Европе в июле 1914 г., привели к кардинальным переменам в традиционных схемах восприятия и анализа действительности правящими элитами великих европейских держав. Стремительно возраставшее влияние населения на внутри- и внешнеполитические процессы превращали проблему поддержания национального консенсуса, особенно в период войн, в одну из ключевых для правящих кругов западных стран, поскольку от этого напрямую зависела не только популярность, но и сама легитимность их режимов. В этих условиях большое значение приобрела выработка принципов взаимодействия с признанными лидерами общественного мнения и налаживание диалога с зарождавшимся экспертным сообществом для последующего использования их авторитета для обоснования тех или иных политических решений. В то же время, осознание значения подобного диалога с трудом пробивало себе дорогу сквозь традиционные представления правящих кругов о способах и механизмах принятия

решений. В силу этого Первая мировая война оказалась с точки зрения развития и становления экспертно-аналитического сообщества в европейских странах периодом чрезвычайно неоднозначным.

В рамках данной статьи, не претендующей на всеохватность, мы постараемся выявить основные тенденции в развитии взаимоотношений правящих элит Великобритании, Германии и Франции с постепенно формировавшимися экспертными кругами, определить их специфику в той или иной стране. Выбор определяется тем, что это были наиболее развитые в экономическом, социальном и политическом отношениях западноевропейские государства того времени, и потому они могут претендовать на статус наиболее репрезентативных в плане изучения выбранной проблематики.

Начало Первой мировой войны ознаменовалось с точки зрения развития экспертного сообщества и в Англии, и в Германии и во Франции несколькими противоречивыми тенденциями. С одной стороны, патриотический подъем, охвативший эти страны в 1914 г., естественным образом выдвинул представителей интеллектуальной

элиты, имевших огромный авторитет в обществе, в качестве «совести нации» на первые роли в деле формулирования целей и задач новой войны и объяснения их населению своих стран¹. С другой стороны, правящие круги отнюдь не торопились обращаться за профессиональной помощью к экспертным сообществам. Дело в том, что рубеж XIX–XX вв. характеризовался в международных отношениях торжеством «кабинетной дипломатии», подразумевавшей принятие внешнеполитических решений узким кругом лиц: профессиональными дипломатами, министрами, придворными, военными.

Вместе с тем и сами интеллектуалы далеко не всегда были готовы стать независимыми экспертами и аналитиками. Так, в Германии при фактическом отсутствии информационно-аналитических структур, способных давать адекватные стратегические прогнозы по разным направлениям международного ориентирования, экспертную оценку так или иначе производили следующие группы: публицисты и публичные интеллектуалы, академические интеллектуалы, государственные служащие и политики, а также авторы, не относящиеся к трем вышеуказанным группам (ими могли быть духовные лица, члены общественных организаций, путешественники, ученые-любители и даже авантюристы). В число таких «экспертов» входили и либералы (О. Гётцш, К.-Г. Беккер, Г. Кампфмайер), и более склонные к правым (П. Рорбах и А. Шмидт), и даже анархисты (вроде В. Дайи). Однако традиционно сильные политическая публицистика и академическая наука не могли дать адекватной оценки принципиально новым, отличным от канонов XIX в., явлениям и тенденциям в мировой политике и вряд ли могли в полной мере претендовать на звание экспертно-аналитических. Более того: традиция германской высшей школы заниматься сразу несколькими дисциплинами (которые могли быть не связаны между собой) существенно затрудняла работу экспертов.

Особенности складывания профессиональных экспертных сообществ в европейских странах в период Первой мировой войны были во многом обусловлены и их политической традицией. В Великобритании, стране с сильными и давними парламентскими устоями, содержание договоров и соглашений зачастую скрывалось не только от широких слоев населения, но и от собственных органов власти. Эта тенденция лишь усилилась после начала боевых действий, когда соображения секретности привели к фактическому прекраще-

нию дискуссий по вопросам войны и послевоенного устройства мира в парламентах обеих стран, не говоря уже о средствах массовой информации². В итоге выработка военной стратегии и планов послевоенного урегулирования проходила «за закрытыми дверями», оставаясь уделом сотрудников соответствующих ведомств³. Представители дипломатического, военного и морского ведомств (как в Англии и во Франции, так и в Германии) были, как правило, настроены консервативно и хотели лишь одного: избавиться от внимания журналистов, максимально ограничив объем информации о положении дел на фронтах, попадающий на страницы печати⁴. Подобный подход даже не располагал к складыванию диалога даже с «проверенными» представителями общества.

Схожей чертой трех рассматриваемых стран было и то, что первые шаги их правительств в сфере влияния на настроения масс отличались непоследовательностью, отсутствием продуманной стратегии, постоянной импровизацией⁵. Трактовка ряда актуальных сюжетов с позиций во многом априорных кабинетных представлений, а иногда и откровенных выдумок, порой приводила к неверной интерпретации реалий и, как следствие, к провалу политики в том или ином регионе мира. Как политическому, так и военному руководству стран-соперниц приходилось полагаться на отрывочную и не всегда достоверную информацию, предоставляемую платными агентами, среди которых было достаточное количество случайных людей. Грамотная экспертная оценка при этом подменялась мощными пропагандистскими «вбросами».

Как следствие описанных выше общих тенденций, характеризующих отношения между правительствами и зарождающимся экспертным сообществом в начале Первой мировой войны, те представители интеллектуальной элиты Великобритании и Франции, что могли бы составить основу экспертно-аналитического сообщества и были искренне готовы послужить делу своей страны, оказались невостребованными.

² Прокопов А. Ю. Война и вопросы социально-политического развития Великобритании // Война и общество в XX в. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны М., 2008. С. 268.

³ Archives du Ministère des affaires étrangères [AMAE]. Correspondance politique et commerciale, 1896–1918. Nouvelle série. Russie. Vol. 72. P. 275–276; Montant J.-C. L'organisation centrale des services d'informations et de propagande du Quai d'Orsay pendant la grande guerre // Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P. 135–142.

⁴ Sanders M. L., Taylor P. M. British Propaganda during the First World War, 1914–1918. London, 1982. P. 9; Marwick A. The Deluge. British society and the First World War. London, 2006. P. 78.

⁵ Sanders M. L., Taylor P. M. Op. cit. P. 1, 20.

¹ Ревякин А. В. Война и интеллигенция во Франции // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 486.

Не секрет, что культуру военного времени отличали откровенная тенденциозность, преобладание эмоционально-экспрессивной риторики над рациональной аргументацией, безапелляционность обвинений. В этой связи деятельность потенциальных экспертов в условиях ограниченности информации сводилась, как правило, к созданию различных пропагандистских материалов. Эксперты занимались не столько независимым анализом международной ситуации и положения дел на фронтах, сколько информационной войной за симпатии нейтральных стран и во имя поддержания боевого духа населения своих государств.

При подготовке пропагандистских материалов интеллектуалы обладали относительной творческой свободой и независимостью. Именно они, а не государственные институты и организации, занимались выработкой основных образов, сюжетов и мотивов военной пропаганды. Впрочем, без непосредственных контактов с правящими кругами дело тоже не обошлось. Так, в Англии уже 2 сентября 1914 г. ряд крупнейших английских писателей, журналистов и ученых были приглашены на специальное заседание под руководством канцлера Герцогства Ланкастерского (и в этой должности члена кабинета) Герберта Асквита и Чарлза Мастермана. Так было положено начало Бюро военной пропаганды — пропагандистской организации, ориентированной на работу в нейтральных странах (также известной как Веллингтон Хаус — по названию резиденции, где она располагалась)⁶. В дальнейшем именно Веллингтон Хаус выступал в качестве заказчика многих пропагандистских памфлетов и статей, никогда не предавая огласке эту свою деятельность.

Схожие тенденции в отношениях между правительством и интеллектуалами прослеживаются и во Франции. Весной 1915 г. председатель правительства Р. Вивиани неофициально собрал представителей прессы (руководителей газет) и настоятельно рекомендовал им воздерживаться от публичного обсуждения на страницах своих изданий вопроса о возможном мире (точнее, о его условиях), равно как и о послевоенном переустройстве Европы⁷. Эта просьба объяснялась очевидным желанием французского правительства избежать обвинений в политике экспансии, что могло бы

⁶ Wallace S. *War and the Image of Germany*. British Academics, 1914–1918. Edinburgh, 1988. P. 171; Buitenhuis P. *The Great War of Words. Literature as Propaganda, 1914–1918 and After*. London, 1989. P. XV. Подробнее о деятельности Бюро военной пропаганды см.: Sanders M. L., Taylor P. M. Op. cit. P. 38–43.

⁷ Ревакин А. В. Французский национализм и Первая мировая война // *Война и общество в XX в. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны* М., 2008. С. 242.

значительно испортить образ как Франции, так и Антанты вообще, позиционировавших себя как жертвы германской агрессии, вынужденные вести оборонительную войну. В целях освещения этой концепции во Франции, как и в Великобритании, правительство предпочитало контактировать с конкретными журналистами или учеными, при этом излагая им свои взгляды, а не спрашивая их независимого экспертного заключения.

Считая, что неприкрытое спонсирование тех или иных публикаций заведомо подрывает доверие к ним со стороны читательской аудитории, особенно в нейтральных странах, пропагандисты стран Антанты предпочитали неформальные контакты с нужными авторами, не афишируя свои заказы и связи. В итоге складывалось впечатление, что авторитетные ученые и писатели исключительно по собственной инициативе выступали с осуждением и обличением Германии.

Ярким примером подобного взаимодействия британского правительства с интеллектуальной элитой и «экспертным сообществом» может служить появление весной 1915 г. доклада лорда Дж. Брайса, по поручению правительства возглавившего работу комиссии по расследованию германских военных преступлений в Бельгии. Подобные комиссии, французские и бельгийские, работали на постоянной основе во Франции, регулярно публикуя отчеты о зафиксированных преступлениях, совершенных германской армией на территории оккупированной Бельгии и французских департаментов. Для Англии же это был первый опыт создания подобного отчета, при этом чрезвычайно успешный.

Доклад Брайса представлял собой 360-страничное «краткое изложение показаний» и 300-страничное дополнение в виде избранных дел. Эти дела состояли из 500 свидетельств бельгийских беженцев и выдержек из 37 дневников пленных немцев. Доклад поступил в свободную продажу по цене 1 пенс (столько стоила обычная газета)⁸. Доклад Брайса не содержал ничего нового в плане пропаганды: это были все те же описания немислимых зверств, совершенных немецкими солдатами, приводимые со слов анонимных беженцев. Однако он с блеском выполнил одну из основных своих задач — мобилизовал общественное мнение в Англии, произведя эффект разорвавшейся бомбы и спровоцировав всплеск германофобской истерии. До конца войны он служил английским пропагандистам стабильным источником примеров немецкой жестокости и бесчеловечности⁹.

⁸ Sanders M. L., Taylor P. M. Op. cit. P. 143.

⁹ Buitenhuis P. Op. cit. P. 28.

Не менее активно в пропагандистской кампании против Германии участвовали французские интеллектуалы, лидеры общественного мнения. Самым естественным образом в создание патриотической культуры военного времени, основанной на национализме и реваншизме, включились правые круги интеллигенции, для которых война (по крайней мере, вначале) явилась своеобразным подтверждением правильности их теорий и воззрений¹⁰. Особую активность на этом поприще развил выдающийся националистический публицист М. Баррес, каждый день в течение всей войны писал статьи, посвященные ей и отстаивавшие дело Франции¹¹. Пацифист Р. Роллан, оставшийся до конца верным своим убеждениям, называл Барреса за этот его вклад в военную пропаганду «соловьем бойни»¹². Наравне с правоконсервативными писателями и журналистами активное участие в создании патриотической культуры военного времени приняли и левые, социалисты, которые искренне разделяли лозунг «священного единения» и верили в справедливость и оправданность участия Франции в войне с Германией во имя защиты цивилизации и права¹³.

В пропагандистской деятельности от журналистов и писателей не отставали и представители французских академических кругов. Многие ученые, особенно историки и философы, решительно поддержали войну. Они уже в первые ее дни задали основные мотивы, в рамках которых развивалась военная пропаганда и патриотическая культура в последующие годы. Французские ученые, в лице влиятельного философа А. Бергсона, выступили с идеей, что новая война представляет собой решительное столкновение цивилизации с варварством, олицетворением которого выступала Германия¹⁴. В антигерманской пропаганде активное участие принимали и такие ученые с мировым именем, как Э. Лависс, Э. Дюркгейм, Э. Бутру и Ш. Сеньобос¹⁵.

Английские интеллектуалы, как и их французские коллеги, поспешили придать новой во-

йне образ принципиального столкновения наций, рас, цивилизации и варварства, крестового похода против зла, против «правления железа и крови»¹⁶. В этой кампании принимали участие известные писатели Г. Уэллс, Р. Киплинг, А. Конан Дойл¹⁷. Не отставали и представители академических кругов. С серией памфлетов, объяснявших причины и цели европейской войны, выступили преподаватели Оксфорда¹⁸. С особым энтузиазмом в пропагандистскую кампанию включились английские историки. Немецкие аналитики и пропагандисты отвечали англичанам и французам тем же, пугая Европу волной расово чуждых переселенцев из колоний Антанты¹⁹.

Говоря о германской военно-политической стратегии в годы войны, следует отметить, что, по мнению правящих кругов Германии, наибольшим успехом для нее не только в Европе, но и в ключевых регионах Азии и Африки явилось бы максимальное ослабление позиций Великобритании и России. С первых дней Первой мировой войны германское руководство в лице А. Циммерманна, заместителя министра (с 1916 г. министра) иностранных дел, и кадрового дипломата Р. Надольного, начальника Политического отдела Генштаба, начало разработку проектов «революционизации» различных регионов Российской и Британской империй²⁰. В обоих случаях, хотя и применялись разные доводы, все в целом сводилось к тезису об угнетении подвластных империям наций, для которых начавшаяся война могла стать стимулом для начала освободительной борьбы под эгидой Германии. Кроме того, России приписывалось неумное стремление разрастись во все направления²¹, а Англии — стремление отеснить Германию на периферию мирового развития²².

Поскольку, как уже указывалось, информационно-аналитические структуры Германии находились в зачаточном состоянии, подрывная деятельность против стран Антанты отводилась

¹⁰ Joll J. *The Origins of the First World War*. New York, 1984. P. 185.

¹¹ Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. *France and the Great War, 1914–1918*. Cambridge, 2003. P. 55; Audoin-Rouzeau S., Becker A. *La Grande Guerre, 1914–1918*. Paris, 1998. P. 61.

¹² Schor R. *La France dans la Première guerre mondiale*. Paris, 1997. P. 72.

¹³ Пуанкаре П. На службе Франции, 1914–1915. Мн., 2002. С. 183; Ревякин А. В. Война и интеллигенция во Франции. С. 486; Audoin-Rouzeau S., Becker A. *Op. Cit.* P. 61; Wohl R. *French Communism in the Making, 1914–1924*. Stanford, 1966. P. 57; Schor R. *Op. cit.* P. 74.

¹⁴ Mulligan W. *The Origins of the First World War*. Cambridge, 2010. P. 4; Schor R. *Op. cit.* P. 74.

¹⁵ Пуанкаре П. Указ. соч. С. 35, 184; Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. *Op. cit.* P. 56; Schor R. *Op. cit.* P. 74.

¹⁶ Whyte I. B. *Anglo-German Conflict in Popular Fiction, 1870–1914 // The First World War as a Clash of Cultures*. Rochester, 2006. P. 43; Mulligan W. *Op. cit.* P. 4.

¹⁷ Whyte I. B. *Op. cit.* P. 43.

¹⁸ Bourne J. M. *Britain and the Great War, 1914–1918*. New York, 1989. P. 212.

¹⁹ Schütze W. *Englands Blutschuld gegen die weiße Rasse*. Berlin, 1914.

²⁰ Греков Б. И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // *Первая мировая война. Пролог XX века*. М., 1998. С. 421.

²¹ Pohle R. *Rußlands Ländergier // Die russische Gefahr. Beiträge und Urkunde*. Heft 1. Stuttgart, 1916. S. 31, 33.

²² *Deutschland und Frankreich // Monographien zur Zeitgeschichte*. Heft 4. Stuttgart, 1912. S. 42.

ряду аффилированных с германским правительством национальных организаций, надеявшихся с помощью кайзеровского правительства выдвигнуться на политическую авансцену. Так, в разное время под германской эгидой функционировали антирусские Союз освобождения Украины, Комитет за независимость Грузии, Финское бюро, Эстонское бюро, Лига нерусских народов России, призванные дать пропагандистское обоснование гуманной политике Германии по отношению к малым народам России и Европы²³. Немцы поддерживали деятельность антифранцузского Комитета за независимость Туниса, антибританских Египетского национального комитета и Индийского комитета за независимость. Все эти организации управлялись революционерами или прогермански ориентированными интеллектуалами и, несмотря на внешне кипучую деятельность, не предлагали никаких конструктивных и концептуальных предложений, кроме обвинений в создании Великобританией, Францией и «купленной за миллиарды франков» Россией «системы разрушения»²⁴. Единственной более-менее подходящей под определение мозгового центра структурой было Бюро восточных новостей, занимавшееся пропагандой среди мусульманских частей армий Антанты (главным образом, Великобритании и Франции) на фронте, среди населения колоний и в особенности военнопленных, а также готовившее дайджесты прессы по вопросам Востока.

Рассматривая подборки немецких аналитических брошюр, следует остановиться на двух из многочисленных серий: «Германская война» и «Отдельные военно-политические сочинения». В первой оценка производилась по большей части интеллектуалами (45 %), затем шли государственные чиновники и политики (30 %), а за ними — общественные деятели и публицисты. Во второй аналитика выходила из-под пера в равной мере интеллектуалов и общественных деятелей и изредка дополнялась работами публицистов и государственных служащих.

Как можно заметить, в обоих случаях интеллектуалы занимали важное место в подготовке материалов по самой разной тематике. Тем не менее, четкое обозначение проблемы, равно как и выявление критериев анализа, тонули в пространных рассуждениях о природе взаимоотношений немецкого народа и кайзера²⁵ или просто подменялись

тремя строчками общей информации из энциклопедии²⁶. Упрощенные, не отвечавшие реальному положению вещей представления о национально-политической и культурной ситуации в странах Антанты перекочевали в информационно-аналитические тексты из пропагандистской продукции. Более того: эти представления со временем стали прочными императивами различных векторов германской политики. Так, отталкиваясь от факта, что в начале XX в. более трети населения Кавказа составляли мусульмане²⁷, христианскую по большей части Грузию германские эксперты включили в исламскую орбиту взаимодействия наряду с Тунисом и Египтом.

Характерным примером немецкого «аналитического» издания периода Первой мировой войны является брошюра «Участие Германии в судьбе Индии»²⁸, изданная незадолго до окончания войны. Несмотря на наличие в ней таких разделов, как «Роль Индии для экономики Германии и Англии», публикация представляет собой достаточно обобщенную попытку аналитического доклада, перемежающегося философскими размышлениями на тему, латинскими афоризмами, цитатами из художественной литературы и заурядной страноведческой информацией. Порой возникают несколько странные высказывания о «естественном сотрудничестве» Германии и Индии в борьбе против Великобритании²⁹, а в главе о роли Германии в освобождении Индии от колониализма в числе аргументов называется влияние индийской философии на немецкую культуру³⁰. В этой связи стоит отметить, что устаревшие методологические приемы и тренды оценки реальности во многом были сформированы существовавшей на тот момент идеологической парадигмой о роли немцев в Европе и мире. И если в ноябре 1918 г. кайзеровская империя прекратила свое существование, то германская академическая и публицистическая традиция осталась неизменной, что проявилось и в годы нацизма.

В этой связи необходимо выделить две основные тенденции, свойственные подходам к экспертной оценке для Германии того времени.

Во-первых, анализ и подготовка стратегических решений нередко отводились выходцам из исследуемой страны или очевидцам событий, вне зависимости от их квалификации и знания

²³ Греков Б. И. Указ. соч. С. 424, 428.

²⁴ Scherif S., Sefaihi I. Tunesien und Algerien. Berlin, 1916. S. 6, 11.

²⁵ Deutschland und Frankreich // Monographien zur Zeitgeschichte. Heft 4. Stuttgart, 1912. S. 19–20.

²⁶ Tolzien G. Englands Weltpolitik. Schwerin, 1915. S. 15.

²⁷ Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Wien, 1975. Bd. 1. S. 35.

²⁸ Viator A. K. Deutschlands Anteil an Indiens Schicksal. Leipzig, 1918.

²⁹ Ibid. S. 80.

³⁰ Ibid. S. 89.

проблематики; попытка осмысления реальности исходила и от академически образованных профессионалов, которые могли специализироваться на совершенно другой, даже не гуманитарной, области знаний. Кроме того, сухой и четкий аналитический обзор исчезал под нагромождением ненужной в данном контексте общей географической и этнографической информации. Так, в 43-страничной брошюре действительно мог присутствовать внятный и адекватный анализ, но занимал он всего одну, последнюю, страницу³¹. Характерным признаком разработки проектов «революционизации» было дублирование организаций. Так, наряду с Союзом освобождения Украины в Вене существовало Украинское бюро в Лозанне, а дублировавшее Лигу нерусских народов России Информационное бюро национальностей России располагалось в том же городе, что и сама Лига.

Во-вторых, в силу ангажированности представителей национальных организаций дополнительным средством получения информации о ситуации в России становились революционеры и лица, имевшие хоть какое-то отношение к государствам, проблематика которых разрабатывалась. Так, один из руководителей Эстонского бюро, революционер А. Кескюла выдавал В. И. Ленина за своего протеже и, передавая его несущественные личные бумаги германским властям, получал от них значительные денежные дотации на дальнейшую работу³². С тем же успехом выдавал себя за доверенное лицо бывшего премьер-министра С. Витте живший в Стокгольме бывший русский чиновник Иосиф Кольшко, через которого немцы планировали вести пропаганду мира на Россию и зондировать почву на предмет мирных переговоров³³. Связным между австро-германским командованием и арабскими вождями в Палестине был теолог и академический арабист А. Музиль, организатором горнострелковых частей в Турции — биолог В. Пичманн, а аналитические работы по ключевым направлениям составляли священники³⁴. Подобный дисбаланс между реальной информационно-аналитической работой, бесплодными проектами и пустой пропагандой сопутствовал

концепции «революционизации» на всем протяжении ее существования.

Таким образом, можно заключить, что в Великобритании и во Франции, как и в Германии, в период Первой мировой войны реальная выработка внешнеполитических решений продолжала оставаться прерогативой, с одной стороны, сотрудников соответствующих ведомств и, с другой стороны, узкого круга политиков и дипломатов, которых связывали не только профессиональные, но и дружеские отношения (что было еще одним следствием «кабинетной дипломатии»). В Англии обсуждение позиции кабинета по тому или иному вопросу зачастую проходило во время неформальных встреч министров с лидерами оппозиции и общественными деятелями во время обедов или за игрой в гольф³⁵. Представителям интеллектуальной элиты отводилась скромная роль популяризаторов принятых «наверху» решений, подбора убедительных исторических, политических и философских аргументов в их обоснование и полемики со своими коллегами из вражеского лагеря. Лишь постепенно, по мере развития военных действий, правительства великих европейских держав начали проявлять интерес к привлечению представителей общественности или академического сообщества к обсуждению проектов территориального и политического устройства послевоенной Европы.

И все же, несмотря на объективную ограниченность (в условиях военного времени, цензуры и политической традиции, не предполагавшей широкого обсуждения вопросов внешнеполитической стратегии) деятельности представителей интеллектуальной элиты Великобритании, Германии и Франции в интерпретации и прогнозировании явлений и событий международной жизни, Первая мировая война наглядно продемонстрировала их возросшее влияние в обществах развитых европейских государств и стала важным этапом в становлении экспертно-аналитических сообществ в западноевропейских странах. Их мнение задавало моральные ориентиры и принципы восприятия действительности широким слоям населения в тылу, что в условиях возросшего в послевоенный период влияния масс на внутри- и внешнеполитические процессы превращало лидеров общественного мнения в глазах правящих элит западных стран в важный инструмент укрепления существующих режимов и выработки политических стратегий.

³¹ *Staden H. von. Indien im Weltkriege // Der deutsche Krieg. Heft 63. Berlin-Stuttgart, 1915. S. 43.*

³² *Соболев Г.Л. Тайный союзник. СПб., 2009. С. 151.*

³³ Там же. С. 105; *Koenen G. Der Russland-Komplex: die Deutschen und der Osten, 1900-1945. München, 2005. S. 87.*

³⁴ *Tolzien G. Op. cit.; Meyer E. Deutschland und Ägypten // Der deutsche Krieg. Heft 48. Stuttgart-Berlin, 1915.*

³⁵ *Riddell G. The Riddell Diaries, 1908-1923. London, 1986. P. 86-104.*

Список литературы:

1. Война и общество в XX в. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Отв. ред. С. В. Листиков М., 2008.
2. Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998.
3. Соболев Г. Л. Тайный союзник. СПб., 2009.
4. Audoin-Rouzeau S., Becker A. La Grande Guerre, 1914–1918. Paris, 1998.
5. Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Wien, 1975. Bd. 1.
6. Buitenhuis P. The Great War of Words. Literature as Propaganda, 1914–1918 and After. London, 1989.
7. Koenen G. Der Russland-Komplex: die Deutschen und der Osten, 1900–1945. München, 2005.
8. Sanders M. L., Taylor P. M. British Propaganda during the First World War, 1914–1918. London, 1982.
9. Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. Paris, 1997.
10. Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. France and the Great War, 1914–1918. Cambridge, 2003.
11. The First World War as a Clash of Cultures / Ed.by F. Bridgham. Rochester, 2006.
12. Wallace S. War and the Image of Germany. British Academics, 1914–1918. Edinburgh, 1988.

References (transliteration):

1. Voyna i obshchestvo v XX v. Kn. 1: Voyna i obshchestvo nakanune i v period Pervoy mirovoy voyny / Отв. ред. S. V. Listikov M., 2008.
2. Pervaya mirovaya voyna. Prolog XX veka / Отв. ред. V. L. Mal'kov. M., 1998.
3. Sobolev G.L. Taynyy soyuznik. SPb., 2009.
4. Audoin-Rouzeau S., Becker A. La Grande Guerre, 1914-1918. Paris, 1998.
5. Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Wien, 1975. Bd. 1.
6. Buitenhuis P. The Great War of Words. Literature as Propaganda, 1914-1918 and After. London, 1989.
7. Koenen G. Der Russland-Komplex: die Deutschen und der Osten, 1900-1945. München, 2005.
8. Sanders M. L., Taylor P.M. British Propaganda during the First World War, 1914-1918. London, 1982.
9. Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. Paris, 1997.
10. Smith L.V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. France and the Great War, 1914-1918. Cambridge, 2003.
11. The First World War as a Clash of Cultures / Ed.by F. Bridgham . Rochester, 2006.
12. Wallace S. War and the Image of Germany. British Academics, 1914-1918. Edinburgh, 1988.